

СИПОВСКАЯ Н.В.

«Ну что ж, поедем на квартиры...» К проблеме институализации нового типа городского жилья в пореформенной России

Статья посвящена институализации квартиры в качестве преобладающего типа городского жилья, задавшей новый масштаб предметно-пространственной среды и новые приоритеты ее обустройства. Этот процесс, отчетливо заявивший о себе с 1860-х годов, был связан с социальными изменениями, происходившими в пореформенной России, и прежде всего с ростом городского населения и усложнением его социальной стратификации. Однако у этих перемен была и другая сторона, проявившаяся не только в вынужденном уплотнении и дифференциации городской застройки, но и смене подхода к обустройству жилых пространств. Помимо развития строительной инженерии, появления новых планировочных систем и технических новшеств, следствием этого стало принципиальное изменение сферы приложения декоративно-прикладного искусства, приведшее к концу столетия к формированию новой структуры его осуществления, актуальной и по сей день. В статье рассматривается первый этап этого процесса: утверждение квартиры в качестве основной формы презентативного городского жилища, что на примере Санкт-Петербурга можно отнести к началу – первой половине 1880-х годов.

Сиповская Наталия Владимировна

Доктор искусствоведения, директор Государственного института искусствознания, Москва
ORCID ID: 0000-0002-0578-3687
sipovskaya@sias.ru
nataliasipovskaya@yandex.ru

Ключевые слова: квартира, особняк, декоративно-прикладное искусство, планировка, водоснабжение, отопление, канализация, дом Мурузи.

Sipovskaya Natalia V.

Doctor in Art Studies, director of the State Institute for Art Studies, Moscow
ORCID ID: 0000-0002-0578-3687
sipovskaya@sias.ru
nataliasipovskaya@yandex.ru

Key words: apartment, mansion, arts and crafts, layout, water supply, heating, sewage, Muruzi House.

SIPOVSKAYA NATALIA V.

“Well, let’s go to the apartments...”

To the Problem of the Institutionalization
of a New Type of Urban Housing
in Post-Reform Russia

The article is devoted to the institutionalization of apartments as the prevailing type of urban housing, which set a new scale for the environment of subjects and new priorities for its arrangement. This process has clearly made itself known since the 1860s and it was associated with the social changes that took place in post-reform Russia and, above all, with the growth of the urban population and the complication of its social stratification. However, these changes had another side, manifested not only in the compelled compaction and differentiation of urban building. It also led to a change in approach to the arrangement of residential spaces. In addition to the development of building engineering, the emergence of new planning systems and technical innovations, the consequence of this was a fundamental change in the scope of application of decorative and applied art, which led to the end of the century to the formation of a new structure for its implementation, relevant to this day. The first stage of this process is considered in the article: the approval of the apartment as the main form of a presentable urban dwelling; using the example of St. Petersburg, it can be attributed to the beginning—the first half of the 1880s.

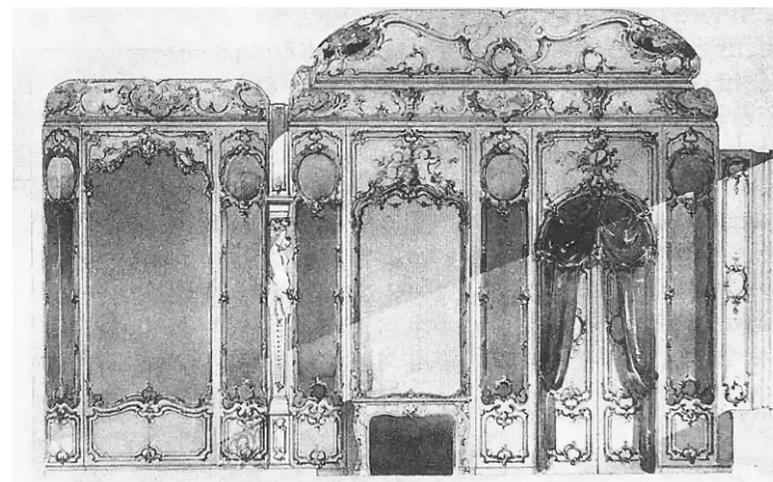
УДК 71, 745/749
ББК 85.12

Время правления Александра III для истории декоративно-прикладного искусства стало средоточием целого ряда ключевых проблем. Не случайно до сих пор существуют трудности в описании смысла и значения характерных для тех лет явлений, не говоря уже о художественной оценке созданных тогда произведений, невероятно многоречивых по формам и не всегда убедительных по эстетическим результатам. Вероятно, наиболее приемлемым термином для общей характеристики ситуации станет понятие кризиса, если понимать это слово во всем объеме его первоначального этимологического значения (др.-греч. κρίσις – «решение, исход»). Применявшееся эллинами для обозначения момента гибели зерна, разрываемого раскрывающимся ростком, оно более других отражает процесс жизнестроительного слома, чреватого формированием принципиально иной системы творчества в сфере декоративных и прикладных искусств.

Радикальная перемена устройства да и самого смысла жизни в пореформенной России вывела на первый план отечественной культуры новую фигуру – разночинца, человека «без роду без племени», стоящего вне прежде работавших социальных иерархий и житейских порядков, словом – «безбытное существо». Эта новая ситуация не могла стать плодотворной для искусства предметов, оснащавших тот самый быт, который вдруг перестал быть чем-то важным. Суть происшедших тогда мировоззренческих сдвигов отразила русская литература, которой уже в силу эпохальной глубины свершавшихся перемен пришлось стать великой. Для искусства предметов, напротив, настало время принципиальной переоценки его роли и сферы приложения. С этой точки зрения 1860–1870-е годы можно считать прелюдией к институализации декоративно-прикладного искусства в его нынешнем виде, происхо-

Илл. 1. Г.А. Боссе. Доходный дом Е.М. Бутурлиной на Сергеевской улице. 1857–1860. Фасад. Фотография ок. 1900

Илл. 2. Г.А. Боссе. Доходный дом Е.М. Бутурлиной на Сергеевской улице. 1857–1860. Эскиз интерьера

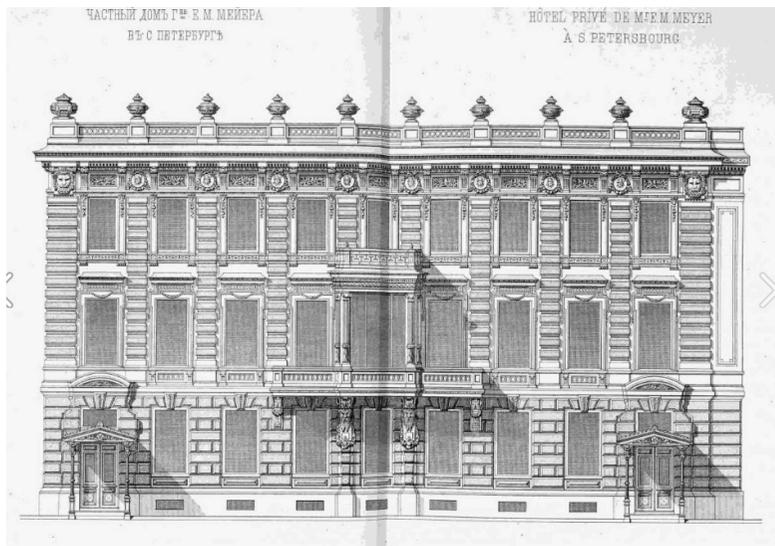
дившей в течение последних десятилетий XIX века, к исходу которого возник не только сам термин «декоративно-прикладное искусство», но и актуальная до сегодняшнего дня система его осуществления: от промышленного дизайна (в терминологии тех лет – «искусство в приложении к промышленности») до студийного и авторского творчества.

Оказавшись вроде бы на периферии главных эстетических устремлений эпохи, декоративно-прикладное искусство не менее других художеств было вовлечено в решение обозначенных ею проблем, суть которых обычно сводится к общему определению: демократизация жизни российского общества. Применительно к интересующей нас сфере это обернулось принципиальным расширением области приложения профессиональной деятельности по исполнению и производству декоративных и бытовых предметов. Речь идет не просто о численном увеличении горожан (а именно они являются главными заказчиками вещей такого рода). Процесс роста городского населения и усложнения его социальной дифференциации, наметившийся с 1840-х годов, в пореформенное время ускорился в разы и привел к образованию чрезвычайно полистратифицированной среды, социальные срезы которой не только не укладывались в рамки прежде существовавших социальных иерархий (дворяне, купцы, мещане), но не всегда коррелировали с уровнем дохода, а тем более образования. В сфере прикладного искусства это предполагало практически бесконечное разнообразие своего рода эстетических компромиссов между должным, желаемым и возможным, или, другими словами, – бесконечное разнообразие желаний, проецируемое на столь же разные возможности их удовлетворить.

Понятно, что следствием этого стала необходимость как-то справляться со столь количественно и качественно расширяющимся рынком. Но у этой проблемы была и другая, вроде бы обратная сторона: ведь естественный порядок существования человеческого социума предполагает потребность в преодолении любой «дурной бесконечности», вкусовой – в том числе. В 1860–1870-х годах общим «объединяющим» знаменателем становится мода, которая, как нам кажется, впервые начинает играть роль ведущей эстетической доминанты в искусстве предметов и не только. Очевидно, что возможность парадоксального перевоплощения «дамы капризной и ветреной» в авторитетного законодателя и арбитра могла возникнуть только на руинах классических культурных систем, подразумевающих если не стилистическое един-

ство, то единую в основе своей конструкцию художественного формообразования. Теперь, несмотря на изменчивость и вне зависимости от ее конкретного сезонного обличья, мода начинает существовать как социально значимый институт. Позволительно предположить, что мода стала тогда эстетическим эквивалентом *общественного мнения*, нового явления, причем не только для российской жизни (хотя для российской, может быть, особенно), заместившего или принципиально преобразившего прежний патриархальный *common sense*. При этом понятно, что доминанта столь подвижного свойства служила не столько консолидации, сколько еще больше разнообразила и без того пеструю картину художественных интенций эпохи.

Столь же очевидно прослеживается смена приоритетов во взглядах на устройство жизни. Предельно схематизируя ситуацию, можно сказать, что если с середины XVII века в Европе и с середины XVIII века в России в этой сфере превалировали удобство и красота (пусть по-разному понимаемые и называемые), то к середине 1860-х годов на первый план выходят мода и комфорт, подразумевающий в том числе и техническую оснащенность быта. Собственно с этим связана вторая из трех проблем, актуализированных эпохой и напрямую затронувших сферу прикладного искусства. В проектировании интерьеров все большее значение приобретают отнюдь не эстетические, а технические задачи – от разработки новых планировочных решений жилищ разного класса до устройства водоснабжения, отопления и канализации. Все это было внове, ведь патриархальная жизнь не знала людской скученности больших городов до последней трети XIX века. А это вносило существенные коррективы в обиход всех слоев горожан: от самых состоятельных до бедствующих. Для первых устройство технических нововведений было скорее вопросом моды и престижа, но не только. Технические новшества позволяли значительно сократить штат обслуги, содержание которого в прежнем количестве при резко возросшей дороговизне городского жилья становилось абсурдным. Для последних теснота городской жизни оборачивалась практической невозможностью создания хоть какого-нибудь мало-мальского обихода, что порождало жутковатую картину всеобщей безытности российской жизни. В то же время масштаб проблемы инициировал не менее мощные усилия ее разрешить. Эта тема стала одной из главных для той поры: от публицистики и литературы до создания российской

Илл. 3. В.А. Шредер. Доходный дом А. Майера. 1876. Фасад. Публикация в журнале «Зодчий» (1872. Вып. 6, лл. 26–27)

Илл. 4. В.А. Шредер. Доходный дом А. Майера. 1876. Деталь подъезда. Публикация в журнале «Зодчий» (1872. Вып. 11, л. 43)

гигиенической науки⁽¹⁾, от технических изобретений до разительных перемен порядка повседневной жизни и ее обустройства.

Наиболее показательным в этом смысле стал процесс принципиальной смены масштаба и типа городского жилья. На смену дворцам, особнякам и домам, ранее определявшим среду искусства предметов и интерьеров, приходят квартиры. Этимология этого слова отсылает нас к принятой еще у римлян практике временного расселения дислоцированных войск в жилищах обывателей, обязанных размещать определенное количество постояльцев по квоте, определяемой на квартал. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, первое четырехтомное издание которого вышло как раз в 1863–1866 годах, слово «квартира» фигурирует как устоявшееся в значении «помещение для людей, жилье, жилище, покои с принадлежностями, занимаемые кем-либо». Но в то же время примеры, такие как: «Надоело менять квартиры, надо купить домишка» или «Солдаты покидают квартиришки свои, сказан поход» [5, с. 717], демонстрируют временный, «не домашний» статус жилья такого рода. Принципиальное изменение статуса городской квартиры отчетливо фиксируется с 1860-х годов, когда именно этот тип жилья начинает постепенно доминировать в панораме северной столицы, причем не только статистически, но и в культурном контексте: достаточно вспомнить героев русской классики тех лет, большинство которых вне зависимости от достатка, покинув

(1) В России основателями научной гигиены стали А.П. Доброславин и Ф.Ф. Эрисман – ученики Макса Петтенкофера, чьи лабораторные исследования считаются отправной точкой гигиены в качестве научной дисциплины, а выработанные им нормы основных показателей оценки гигиенического состояния среды актуальны и до сих пор. Толчком для развития научной гигиены стало открытие микроорганизмов и их исследования Л. Пастером, Р. Кохом и позже И.И. Мечниковым, возглавившим с 1887 г. лабораторию в Институте Пастера. Изучение микроорганизмов послужило рождению эпидемиологии, практическая ценность которой была доказана уже в 1854 г., когда в лондонском Сохо благодаря действиям доктора Джона Сноу была предотвращена эпидемия холеры. В результате Англия стала первой страной, где были законодательно закреплены санитарные нормы, а также началось плановое внедрение систем очищенного водоснабжения (водопроводов), сплавной канализации и очистки стоков. В России введению подобных норм способствовала деятельность А.П. Доброславина, который помимо прочего с 1874 г. стал выпускать первый русский журнал по вопросам гигиены «Здоровье». Благодаря ему была открыта первая в России гигиеническая лаборатория при Военно-морской академии. Эрисман создал аналогичную лабораторию в Москве, которая в 1890 г. была преобразована в Гигиенический институт при Императорском Московском университете.

родные имения и домики уездных городов, перемещаясь в столицы, становятся обитателями квартир.

Под квартиры перепланировались старые особняки и даже патриархальные деревянные домики (в Петербурге большинство таких располагалось в районе Коломны). Но для нас больший интерес представляют квартиры во вновь возводимых доходных домах, строительство которых в 1860-х и особенно 1870-х годах обрело до сих пор впечатляющие масштабы. Достаточно сказать, что и сейчас едва ли не треть жилого фонда петербургского центра размещается в домах 1860–1890-х годов. Собственно, именно в это время сформировался образ северной столицы как монолитного «каменного града». Прежде об этом речи быть не могло: в 1798 году из 6072 домов Петербурга каменными были только 1834; в 1833-м – 2730 из 7976. Положение стало меняться с 1816 года, когда вновь учрежденный Комитет строений и гидравлических работ во главе с А. Бетанкуром издал запрет на постройку деревянных домов в центре столицы. Но каменные дома стали превалировать над деревянными лишь к началу 1880-х годов. По городской переписи 1881 года каменных домов насчитывалось в Петербурге 11 169, деревянных – 10 232 и смешанных (на каменном цоколе) – 786 [16, с. 10, 11].

Помимо численного роста доходные дома претерпели существенные качественные изменения, коснувшиеся прежде всего планировочных решений. Первоначально доходные дома, появившиеся в Северной столице с 1817 года, наследовали простую анфиладную планировку, не слишком удобную при членении этажа на несколько квартир. Этот недостаток попытались исправить возведением со стороны двора открытых галерей, которые в наших широтах ввиду суровости климата не прижились (хотя несколько таких построек 1840-х годов сохранилось в Петербурге (в Мучном переулке) и в Москве (на Покровке)). Но до середины 1850-х годов эти трудности удавалось обходить: дома тогда строили не по всему периметру участка, а двумя частями: парадный корпус с окнами на улицу и во двор и флигель в глубине двора. С боков участок фланкировали высокие брандмауэры. Но когда жилые флигели стали строиться и вдоль них, образовав в итоге привычную композицию доходного дома в виде сплошного многоэтажного каре, проблема выделения квартир встала особенно остро.

К исходу 1850-х годов ее решили введением коридорной системы (причем коридоры шли параллельно все еще сохраняющимся анфила-

дам). Кроме того, дома обрели более логичную конструкцию: каждый этаж членился на две больших квартиры, начинавшиеся с площадки парадной лестницы по главному фасаду и тянущиеся боковыми корпусами до черной лестницы с выходом во двор. По необходимости такие квартиры в свою очередь делили на две: побольше – с парадным входом и поменьше – с выходом на служебную лестницу. Один из первых домов такого типа – дом Е.М. Бутурлиной на Сергеевской улице, возведенный Г.А. Боссе в 1857–1860 годах и рассчитанный на 40 квартир (в этом доме, в частности, снимали квартиры В.Н. Тенишев и профессор В.О. Ковалевский, жена которого Софья Васильевна стала выдающимся математиком). Решенный в необарочном стиле, отсылающий даже силуэтом к очертаниям Строгановского дворца Растрелли (1753–1754), не говоря уже о более близком по времени штакеншнейдеровском особняке Белосельских-Белозерских (1847–1848), он по достоинству оценен историками архитектуры [2, с. 9–13]. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на другое. А именно на то, что в этом узнаваемом дворцовом футляре спрятана принципиально иная конструкция, предполагающая совершенно отличное от прежней формы жизни «особняком» совместное обитание 40 семей.

Однако к началу 1860 годов таких вновь возведенных домов под сдачу квартирами было мало. Основной корпус квартир располагался в дворцах и домах традиционной застройки, вроде просторного дворца генерала Ивана Федоровича Епанчина, пять шестых которого сдавались в наем [7, с. 14]. Та же практика распространялась и на гораздо более скромные жилища. Результат, как правило, получался непредсказуемым не только для бедных, но и для вполне обеспеченных жильцов.

«Свидригайлов занимал две меблированные, довольно просторные комнаты», но при этом «квартира Свидригайлова проходила как-то между двумя почти необитаемыми квартирами. Вход к нему был не прямо из коридора, а через две хозяйкины комнаты, почти пустые» [6, с. 376]. В том же романе писатель дает еще более впечатляющие описания: квартирка старухи-процентщицы «с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах» [6, с. 8], жилище Мармеладовых в самом конце коридора у лестницы с одной комнатой «в десять шагов длиной» [6, с. 22] и, наконец, памятная «каморка от жильцов» Раскольникова под кровлей высокого пятиэтажного дома, более походившая на шкаф [6, с. 25]. Но одно из описаний – комнаты Сони Мармеладовой –

позволим себе процитировать полно: «Это была большая комната, но чрезвычайно низкая, единственная отдававшаяся от Капернаумовых, запертая дверь к которым находилась на стене слева. На противоположной стороне, в стене справа, была еще другая дверь, всегда запертая наглухо. Там уже была другая, соседняя квартира, под другим номером. Сониная комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое. Стена с тремя окнами, выходящими на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убегал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же угол был слишком безобразно тупой. Во всей этой большой комнате почти совсем не было мебели. В углу, направо, находилась кровать; подле нее, ближе к двери, стул. По той же стене, где была кровать, у самых дверей в чужую квартиру, стоял простой тесовый стол, покрытый синенькою скатертью; около стола два плетеных стула. Затем у противоположной стены, поблизости от острого угла, стоял небольшой простого дерева комод, как бы затерявшийся в пустоте. Вот и все, что было в комнате» [6, с. 241].

Несмотря на очевидную и подчеркнутую Достоевским бедность его героини, сам факт обладания квартирой из одной комнаты не был чем-то исключительно неприличным. Квартиру в одну комнату снял для своего племянника и вполне состоятельный Петр Иванович в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова: «Комната превеселенькая... окнами немного в стену приходится, да ведь ты не станешь у окна сидеть... И недорого – 40 рублей в месяц. А для человека есть передняя» [3, с. 202]. Обитатели таких невеликих апартаментов образовывали своеобразные сообщества, которые создавали некий новый уклад большинства столичных жителей: этикие устроившиеся традиции обитания во временном жилье⁽²⁾.

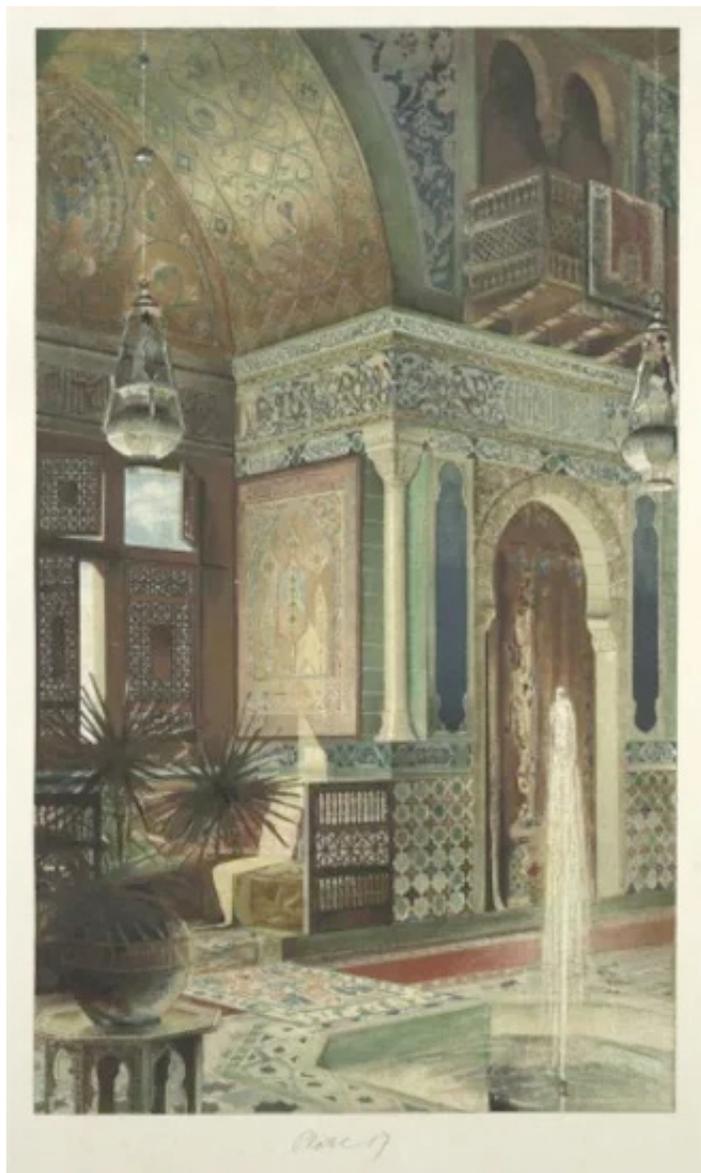
(2) Любопытный факт: жители таких небольших квартир, люди среднего достатка, меняли их чуть ли не ежегодно, оставаясь в пределах одного квартала: по соседству с привычной булочной, прачкой, гимназией и местом службы. Причина тому – обязательный летний выезд на дачу, который был продиктован не столько заботой о здоровье, сколько соображениями экономии. Дачная жизнь стоила в три раза дешевле петербургской. А возможность сохранить значительную часть средств за летний сезон была очень привлекательна, а иногда и насущна. При этом часть мебели увозили с собой (достаточно вспомнить анекдотические подробности этих переездов из литературы), а часть сдавалась на городские склады.

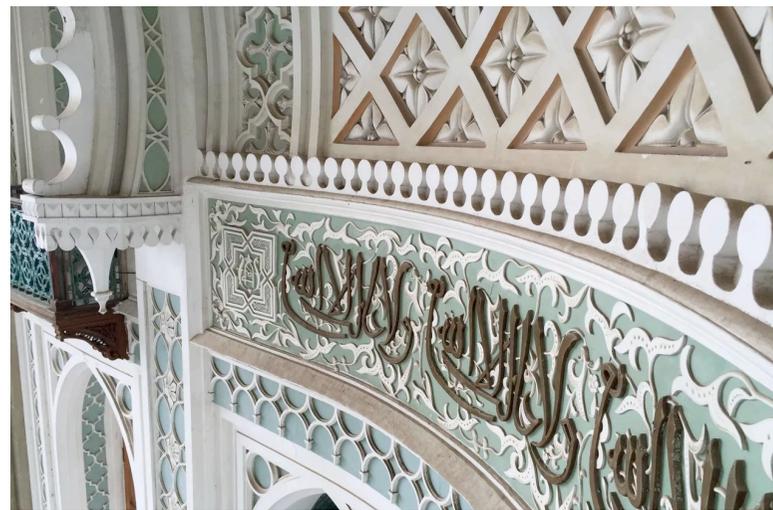
Илл. 5. А.К. Серебряков. Доходный дом А.Д. Мурузи. 1874–1877. Фотография ок. 1900

Илл. 6. А.К. Серебряков. Доходный дом А.Д. Мурузи. 1874–1877. Интерьер. Фотография ок. 1900

Илл. 5. А.К. Серебряков. Доходный дом А.Д. Мурузи. 1874–1877. Салон квартиры А.Д. Мурузи. Литотипия ок. 1900

Илл. 6. А.К. Серебряков. Доходный дом А.Д. Мурузи. 1874–1877. Деталь декора

Согласно городской переписи на 1881 год, однокомнатные и двухкомнатные квартиры составляли почти 50% от сдававшихся в наем, на дорогие квартиры из восьми и более комнат приходилось 10% [16, с. 108, 109]. 40% составляли «семейные квартиры в 3–5 комнат, которые были самими востребованными, но иногда довольно густо населенными». Примером может служить квартира генерала Иволгина, в которой все «теснилось и жалось». Прежде это были восьмикомнатные апартаменты, разделенные коридором. Теперь с одной его стороны три комнаты сдавались для «особенно рекомендованных жильцов», а другая семейная половина состояла «из зала, обращавшейся, когда надо, в столовую, из гостиной, которая была, впрочем, гостиной только поутру, а вечером превращалась в кабинет Гани и его спальню, и, наконец, третьей комнаты, тесной и всегда затворенной: это была спальня Нины Александровны и Варвары Ардалионовны». В самом конце коридора, у кухни «находилась четвертая комнатка, потеснее всех прочих, в которой помещался сам отставной генерал Иволгин, отец семейства. В той же комнате помещался и тринадцатилетний брат Гаврилы Ардалионовича, гимназист Коля...» [7, с. 76].

Все эти пространные цитаты имеют целью показать глубину проблем, которые приходилось решать проектировщикам вновь возводимых зданий, справляясь со скученностью городского населения и необходимостью благоустройства. Даже в новых домах коридорная система не гарантировала от неудобств, возникающих при дальнейшем делении больших квартир для субаренды. Выход был найден к середине 1870-х годов, когда была создана секционная планировка, предполагавшая изолированное существование небольших квартирных блоков. Одним из самых ранних примеров такой планировки стал дом А. Майера, построенный В. Шредером в 1876 году (ул. Марата, 6б). Предложенная здесь простая и логичная структура без особых изменений существует и до сих пор⁽³⁾. Но возможность ее появления была предопределена отнюдь не человеколюбивым желанием обустройства городской жизни или внезапным прорывом новаторской архитектурной мысли, а инспирирована развитием инженерных систем – главным образом в совершенно далеких от эстетических задач сферах: водопровод, центральное отопление и канализация.

Акционерное общество Санкт-Петербургского водопровода было учреждено в 1858 году. Но потребовалось более 10 лет и множество усилий по организации не только подачи воды, но и ее очистки, чтобы нововведение могло исправно функционировать, постепенно вытесняя водовозов, являвшихся чуть ли не обязательной приметой стаффажа на видах Петербурга николаевской поры. Перелом наступил в начале 1870-х годов, когда стало возможным подвести водоснабжение к домам Адмиралтейской части, Невского проспекта и других центральных районов города. Строительство водопровода не только предоставило возможность устройства проточных раковин, душей и ванн в каждой квартире, но и обеспечило распространение сливной канализации и ватер-клозетов, которые, в отличие от прежних «нужников», устраиваемых поэтажно в нишах на черной

(3) Проблемы градостроительства и изменения планировочных структур жилищ неоднократно поднимались в литературе тех лет [см.: 1; 14]. Позднее они вновь стали актуальны в 1920-х [см.: 8] и 1960-х гг. [см.: 2, с. 9–13]. Наиболее достоверная информация о востребованных технических благоустройствах изложена в трудах последних лет [см.: 15; 16].

лестнице⁽⁴⁾, могли находиться рядом с жилыми комнатами. Особенно после их усовершенствования: изобретения S-образного колена нижнего водоотвода, который позволил создать гидравлический затвор, исключавший распространение запахов из сточной трубы⁽⁵⁾. Но главное – все эти новые удобства были привязаны к трубам: теперь «мокрая зона», то есть кухни, ванны и туалеты, в каждой квартире располагалась в строго определенном месте – поэтажно одна над другой. Вокруг нее компоновались другие комнаты – столовые и гостиные со стороны кухни и спальни со стороны туалетных комнат. Такая вертикальная привязка неизбежно структурировала планировочные решения, предопределив необходимость появления секционной планировки. Достоинство удивления то, как быстро все эти нововведения вошли в столичный быт: к концу века в Петербурге водопровод был проведен в 64% домов, ватер-клозетами были оборудованы 60% домов, персональными ванными комнатами 13%

- (4) Нужниками называли ниши на черной лестнице с воронками, врезанными в большую вертикальную трубу (по принципу знакомых нам мусоропроводов), служившими для опорожнения нечистот из «ночных ваз» жильцов «барских квартир». Для прислуги и жильцов попроще для этой цели предназначались «ретирады» – отдельные постройки (вошедшие в устный сленг как «удобства во дворе»), составлявшие вместе с дровяными и угольными сараями, водяными бочками и проч. «домовые службы». Выгребные ямы ретирад и нужников обслуживали золотари, представлявшие столь заметный штат муниципальных служб, что именно с ними связывают (например В.А. Гиляровский) появление особой формы выпечки – «калача с дужкой» или «золотарской булки».
- (5) Хотя клозеты с водяным сливом были известны еще в древнем Китае (в европейской истории прецеденты относятся ко времени Елизаветы Английской и связаны с именем Джона Харрингтона), первый патент на туалет с клапаным сливным устройством был получен в 1775 г. английским часовщиком А. Каммингом. Следующий шаг в совершенствовании устройства (бочок с поплавком для аккумуляции и порционного слива воды) был сделан в начале XIX века Т. Краппером. Гидравлический затвор фановой трубы, надежно изолировавший квартиру от запахов, появился в Европе после Крымской войны. Тогда же в России появились первые ватерклозеты по системе Камминга, с клапанами, открывавшими две заслонки – сверху для воды, снизу для сливного устройства (позже они будут известны в Петербурге под маркой «Монитор»). С 1770-х эту систему вытеснила другая с бачком и гидравлическим затвором, названная «русским горшком». Несмотря на непрезентабельность этого чугунного изделия, современники сравнивали его с Ниагарским водопадом. В последние десятилетия века совершенствование устройства касалось в основном дизайнерской части: чаши стали фаянсовыми, приобрели ладьевидную форму (английские модели «Торнадо», «Пьедестал»). К 1890 году ватерклозетами в Петербурге была оборудована каждая восьмая однокомнатная квартира, две трети средних квартир и 96% представительных квартир из более 10 комнат [см.: 15, с. 208].

(персональная ванна считалась приемлемой лишь в дорогих апартаментах), 14% домов были электрифицированы⁽⁶⁾.

Впервые все эти новшества в полной мере были использованы А.К. Серебряковым при постройке доходного дома князя А.Д. Мурузи. Сооруженный в 1874–1877 годах роскошный пятиэтажный дом был решен в мавританском стиле, что было призвано подчеркнуть восточное происхождение князя, потомка древнего византийского рода, чей дед был господарем Молдавии и Валахии, а отец – видным дипломатом в Турции. Окончание строительства стало настоящим событием: поражала не столько необычность декора этого оригинального строения, сколько впечатляющая комфортность предложенного жилья: дом был оборудован не только водопроводом, но и собственной прачечной, а также общей курительной комнатой-салонном. В первом этаже располагались магазины, в которых продавались товары для уважаемых жильцов: живые цветы, кондитерские изделия, вино и табак. Здесь обустроили 57 дорогих квартир, также отделанных в восточном стиле и оборудованных

центральным водяным отоплением, что было большой редкостью в те годы⁽⁷⁾. Наибольшее восхищение вызывала квартира владельца дома из 26 комнат, из которых особо выделялся центральный зал, стилизованный под дворик мавританского дворца. Его свод поддерживали 24 тонкие витые колонки, а в центре бил фонтан. Верхние этажи занимали квартиры попроще, без декоративных излишеств и ванных комнат (позже, обустроив «удобства» вокруг существовавших водопроводных труб, их облюбует петербургская творческая интеллигенция). При этом все квартиры были не только отделены одна от другой, но и включали изолированные комнаты.

Такой выраженной вариативности планировки удалось достичь за счет принципиально новой системы организации коммуникаций. Доступ к квартирам обеспечивали пять парадных лестниц, предполагавших наличие на фасаде пяти равнозначных входов. Однако лишенный «парадного поезда», угловой и густонаселенный доходный дом тем не менее воспринимался сооружением дворцовым. Об этом свидетельствуют комментарии современников: «Дом князя Мурузи можно причислить к первейшим палаццо Петербурга» [1]. Возможность такой оценки была предопределена не только выдающейся пышностью убранства, но, прежде всего, высокой степенью соответствия новым бытовым и эстетическим приоритетам. Он стал воплощением комфорта и моды, определявшей не только стилистику декора фасадов и интерьеров, но и особый стиль жизни их обитателей, присущий становящемуся мегаполису. Дом Мурузи окончательно примирил петербуржцев с тем, что квартира вполне может стать заменой дворцовому особняку.

(6) До появления электричества самыми распространенными источниками света в квартирах петербуржцев последней трети века были масляные и керосиновые лампы. Последние были запатентованы в 1853 году польским ученым И. Лукасевичем. С 1863 года керосиновые лампы стали продаваться в Петербурге (магазин на Большой Коношанной открыл американец Л. Шандор). Газовое освещение, история которого восходит к 1835 году – к созданию «Общества освещения газом С.-Петербурга», большого развития не получило. К 1860-м годам газ для нужд освещения подавался только на Невский проспект и был подведен к нескольким домам. Но для освещения помещений использовался редко (газовое освещение стоило дороже керосинового в 4–10 раз). История электрического освещения Петербурга восходит к 11 июля 1873 года, когда на Одесской улице в Песках был проведен опыт освещения улицы двумя электрическими фонарями. В них использовались лампочки накаливания А.Н. Лодыгина, изобретенные годом ранее. За это он получил Ломоносовскую премию, но проект не поддержали. Изобретатель уехал за рубеж, где в 1890 году запатентовал лампу накаливания с вольфрамовой нитью. Далее был П.П. Яблочков, который в 1879 году осветил Дворцовый мост 12 фонарями (патент он зарегистрировал во Франции в 1876 г.). Это событие положило начало развитию производства электричества. 17 января 1885 г. в Зимнем дворце прошел первый бал при электрическом освещении, а три года спустя электричество в Петербурге производили три компании: «Общество 1886 года», «Гелиос» и «Гуз и Шманцер». Уличное освещение стало развиваться с 1883 года (с Невского проспекта и Большой Морской), с 1886 г. электрические лампы загорелись в общественных зданиях, с 1887 г. электричество стали подавать в жилые дома.

(7) Водяное отопление, аналогичное современному (хотя мы его по инерции называем паровым), было новшеством тех лет (к 1900 году оно было в 37% многоквартирных домов). Паровое отопление было более распространено (к 1900 году – в 40% домов): трубы с горячим воздухом шли в стенах или под полом, согревая воздух комнат через отверстия (10 x 10 см), закрытые металлическими решетками. И то и другое было разновидностями так называемого центрального отопления, но не от ТЭЦ, а от котла в подвале дома. Причем радиаторы и трубы отапливали «барские квартиры» 2 и 3 этажей. В остальных помещениях использовалось обычное дровяное отопление (печками разных конструкций и видов), с 1900-х годов появились радиаторы электрического отопления, которые применялись также индивидуально и по причине дороговизны только в парадных помещениях дорогих квартир.

Список литературы:

- 1 Алтухов М.И. К вопросу о водоснабжении С.-Петербурга. СПб.: тип. В. Эрикса, 1913. – 18 с.
- 2 Архитектурные памятники Петербурга (вторая половина XIX века). Л.: Лениздат, 1981. – 255 с.
- 3 Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. – 832 с.
- 4 Губнер Ю.Ю. Статистическое описание санитарного состояния г. Санкт-Петербурга в 1870 году. СПб.: печ. В.И. Головина, 1872. – 173 с.
- 5 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. (1 изд.) Т. 2. М.: тип. А. Семена, 1865. – 723 с.
- 6 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 6. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л.Д. Опульская. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1973. – 423 с.
- 7 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 8. Идиот: Роман / текст подгот. А.И. Битюгова, Н.Н. Соломина. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1973. – 511 с.
- 8 Кац М.Р. Указатель книг и статей по жилищному вопросу, изданных на русском языке. М., 1928. – 97 с.
- 9 Кириков Б.М. Эклектика середины – второй половины XIX века. Л., 1991.
- 10 Кириченко Е.И. Доходные дома Москвы и Петербурга (1770–1830-е годы) // Архитектурное наследство. 1962. Вып. 14, С. 143–148.
- 11 Кириченко Е.И. История развития многоквартирного жилого дома с XVIII по начало XX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. иск. М., 1964. – 24 с.
- 12 Кириченко Е.И. О некоторых особенностях эволюции многоквартирных домов второй половины XIX века – начала XX века // Архитектурное наследство. 1963. Т. 15. С. 153–170.
- 13 Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л.: Лениздат, 1990. – 347 с.
- 14 Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. 5. Жилищный вопрос в России. (Приложение: уставы, доклады, программы, библиографический указатель и пр.). СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. 1902. – 249 с.
- 15 Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3 т. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 1–8. СПб.: Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2003–2011.
- 16 Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2008. – 352 с.
- 4 Gyubner Yu.Yu. *Statisticheskoe opisanie sanitarnogo sostoyaniya g. Sankt-Peterburga v 1870 godu* [A statistical description of the sanitary condition of St. Petersburg in 1870]. St. Petersburg, pech. V.I. Golovina Publ., 1870. 173 p. (In Russ.)
- 5 Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living Great Russian language]. In 4 vol. (1st edition). Vol. 2. Moscow, tip. A. Semena Publ., 1865. 723 p. (In Russ.)
- 6 Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. In 30 vol. V.G. Bazanov (ed.); IRLI. Vol. 6. *Prestuplenie i nakazanie: Roman v 6 ch. s epilogom* [Crime and punishment: Novel at 6 parts with the epilogue], ed. L.D. Opuł'skaya. Leningrad, Nauka Leningr. otd. Publ., 1973. 423 p. (In Russ.)
- 7 Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. In 30 vol. V.G. Bazanov (ed.); IRLI. Vol. 8. *Idiot: Roman* [Idiot: Novel], eds. A.I. Bitjugova, N.N. Solomina. Leningrad, Nauka Leningr. otd. Publ., 1973. 511 p. (In Russ.)
- 8 Кас М.Р. *Ukazatel' knig i statej po zhilishchnomu voprosu, izdannyh na russkom yazyke* [Index of books and articles on housing issues published in Russian]. Moscow, 1928. 97 p. (In Russ.)
- 9 Kirikov B.M. *Eklektika serediny – vtoroj poloviny XIX veka* [Eclecticism of the middle–the second half of the 19th century]. Leningrad, 1991. (In Russ.)
- 10 Kirichenko E.I. *Dohodnye doma Moskvy i Peterburga (1770–1830-e gody)* [Apartment buildings of Moscow and St. Petersburg (1770s–1830s)]. *Arhitekturnoe nasledstvo*, 1962, vol. 14. (In Russ.)
- 11 Kirichenko E.I. *Istoriya razvitiya mnogokvartirnogo zhilogo doma s XVIII po nachalo XX veka* [The history of the development of an apartment building from the 18th to the beginning of the 20th century]. Diss. ... Candidate in Art Studies. Moscow, 1964. (In Russ.)
- 12 Kirichenko E.I. *O nekotoryh osobennostyah evolyucii mnogokvartirnyh domov vtoroj poloviny XIX veka – nachala XX veka* [About some features of the evolution of apartment buildings of the second half of the 19th century–the beginning of the 20th century]. *Arhitekturnoe nasledstvo*, 1963, vol. 15. (In Russ.)
- 13 Punin A.L. *Arhitektura Peterburga serediny XIX veka* [Architecture of St. Petersburg mid-19th century]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990. 347 p. (In Russ.)
- 14 Svyatlovskij V.V. *Zhilishchnyj vopros s ekonomicheskoy tochki zreniya. Vyp. 5. Zhilishchnyj vopros v Rossii. (Prilozhenie: ustavy, doklady, programmy, bibliograficheskij ukazatel' i pr.)* [Housing issue from an economic point of view. Vol. 5. Housing issue in Russia. (Appendix: charters, reports, programs, bibliography, etc.)]. St. Petersburg, tip. M-va put. Soobshch Publ., 1902. 249 p. (In Russ.)
- 15 *Tri veka Sankt-Peterburga. Enciklopediya. V 3 t. T. 2: Devyatnadcatyj vek. Kn. 1–8* [Three centuries of St. Petersburg. Encyclopedia. In 3 vol. Vol. 2: Nineteenth century. Books 1–8]. St. Petersburg, Filol. fakul'tut S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2003–2011. (In Russ.)
- 16 Yuhnyova E.D. *Peterburgskie dohodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [Peterburg apartment buildings. Essays from the history of life]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2008. 352 p. (In Russ.)

References:

- 1 Altuhov M.I. *K voprosu o vodosnabzhenii St.-Peterburga* [Water supply in St. Petersburg]. St. Petersburg, Eriks Publ., 1913. 18 p. (In Russ.)
- 2 *Arhitekturnye pamyatniki Peterburga (vtoraya polovina XIX veka)* [Architectural monuments of St. Petersburg (second half of the 19th century)]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1981. 255 p. (In Russ.)
- 3 Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. In 20 vol. Vol. 1. St. Petersburg, Nauka Publ, 1997. 832 p. (In Russ.)